

Оглавление

Глава 1	3
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	46
Глава 5	53
Глава 6	67
Глава 7	78
Глава 8	85
Глава 9	95
Глава 10	104
Глава 11	113
Глава 12	132
Глава 13	146
Глава 14	166
Глава 15	172
Глава 16	197

Глава 17	210
Глава 18	213
Глава 19	222
Глава 20	225
Глава 21	233
Глава 22	245
Глава 23	253
Глава 24	266
Глава 25	272
Глава 26	282
Глава 27	307

Глава 1

«Слухи, которыми наполнена столица, пытаются заставить нас поверить в то, что герцог Торнбери наконец соизволит почтить своим присутствием великосветское мероприятие. Этот факт остается в статусе ожидаемого, так как всем отлично известно, с каким пренебрежением его светлость относится к подобным собраниям, но, учитывая дружбу, которая связывает леди Шиллингем с матерью герцога, шансы на то, что он появится на званом вечере, исключительно высоки. А вдруг подтвердится слух и о том, что герцог выберет себе невесту в нынешнем сезоне? У автора этих строк сохраняются большие сомнения на данный счет, хотя дебютантка, нацелившаяся на неуловимую цель, наверняка оставит свое имя на скрижалях истории.

«Лондон таймс». «Светская хроника»

Лондон, весна 1814 года

Бал у Шиллингемов

Леди Джессика Уитморленд ждала этого момента весь сезон и уже начала терять надежду на то, что это когда-нибудь случится. У нее даже стали возникать сомнения в правильности детально выверенного плана, задуманного еще в самом начале нынешнего, дебютного для нее сезона. Но это наконец случилось, и теперь все будет просто идеально. В конце концов, ведь не каждый день девушке удастся познакомиться с мужчиной, за которого она собирается выйти замуж!

— Моя дорогая, — пронзительно грассируя, начала леди Шиллингем, сопровождая Джессику через зал к группе людей, окружавших герцога Торнбери. Перья, украшавшие ее прическу, так и колыхались. — Я с большим удовольствием представлю вас его светлости.

Герцог стоял к ним спиной. Подойдя ближе, Джессика испытала легкую дурноту. Он был высокого роста, в роскошном черном сюртуке, плотно облегавшем широкие плечи. Темные волосы, чуть длинноватые, касались белоснежного воротника сорочки. У Джессики пересохло в горле. До этого

момента она видела его только издали, хотя в прошлом месяце ей чуть было не удалось познакомиться с ним в Воксхолле, увеселительном парке Лондона, но он вдруг исчез в неизвестном направлении, будто растворился в ночи, а две недели назад это могло случиться в Гайд-парке, если бы именно в тот момент, когда она уговорила своего брата Джастина представить ее герцогу, проклятая лошадь не потеряла подкову. И вот полоса разочарований — ценой в целый сезон! — наконец-то закончится этим вечером.

Нервная дрожь охватила ее. За всю свою жизнь, подчинявшуюся строгим правилам, когда нужно было делать то, что тебе говорят, Джессика еще не испытывала такого возбуждения. В конце концов, именно для этого она и была рождена: подготовиться к дебюту, чтобы заполучить ту самую неуловимую цель.

Именно такой целью для всех леди на выданье был герцог Горнбери, потому она и выбрала его. И теперь все пойдет по плану, гладко, без сучка без задоринки. Так должно быть. Джессика всегда действовала только в соответствии с хорошо продуманными планами, а не по воле случая. Конечно, разработка каждого плана требовала приложения

усилий, и чтобы потом никаких импровизаций. Именно так должна быть построена ее жизнь: под жестким контролем над каждой пустячной мелочью.

Проблема заключалась в том, что все ее планы летят в тартарары, потому что встретиться с герцогом было совершенно невозможно. Всем было хорошо известно, что он редко посещает великосветские мероприятия, но ведь редко не значит никогда.

На какой-то миг она засомневалась в себе: что, если это ошибка — решение связать свои надежды с Торнбери, но когда ей стало известно, что герцог будет присутствовать на сегодняшнем вечере, все встало на свои места. Вот почему Джессика практически сразу по прибытии на бал представилась хозяйке и попросила уважаемую даму познакомить ее с объектом своих планов.

Леди Шиллингем ничего не имела против, и теперь они вдвоем стояли прямо за спиной герцога. Дрожащей рукой Джессика проверила прическу, разгладила спереди великолепно сшитое светло-розовое платье, которое было выбрано из-за скромного выреза, нежного цвета и высокого качества ткани. Герцог, который намерен жениться,

наверняка обратит внимание на такие детали. Откашлявшись, она расправила плечи и постаралась изобразить обворожительную, как ей хотелось думать, улыбку: не слишком фамильярную, скорее дружелюбную. В конце концов, ведь об этом самом моменте они когда-нибудь будут рассказывать своим детям, а потом и внукам.

Она не чувствовала в себе той уверенности, на которую рассчитывала, совсем нет. На самом деле ее одолевало желание развернуться и броситься прочь. В конце концов, почему она решила, что герцог из толпы дебютанток, которые набрасывались на него, стоило ему лишь появиться где-нибудь, выберет ее? Джессике, конечно, весьма повезло с тем, что ее называли самой красивой девушкой сезона, ее репутация была безукоризненна, походка и манеры безупречны, родословная без изъянов. И она очень надеялась, что ее труды окупятся. Кроме того, когда она выходила в свет, сделала своей привычкой изображать уверенность, поскольку это почти всегда помогало в обстоятельствах, когда этой самой уверенности в себе не хватало. Сегодня был как раз такой случай, когда она нуждалась в фальшивой браваре больше, чем когда-либо.

— Ваша светлость, — напряженно начала леди Шиллингем, — позвольте отвлечь вас на минуту. Я хотела бы представить вам...

— Кого? — оборвал ее низкий мужской голос.

Леди Шиллингем от растерянности замолчала, когда джентльмен развернулся на каблуках и оказался к ним лицом.

Джессика сразу поразила внешность герцога Торнбери: во-первых, его необыкновенные глаза — голубые, с радужкой, очерченной зеленой линией, от которых невозможно отвести взгляд, во-вторых, его красота приводила в абсолютное замешательство, в-третьих, лицо его выражало досаду и высокомерие, и наконец, он посмотрел на нее так, словно она представляла собой самое докучливое создание на земле. Было очевидно, что ему совершенно безразлично, с кем его знакомят: совершенно бестактный и даже грубый.

Отсутствие манер было, пожалуй, единственным, с чем Джессика Уитморленд не могла мириться, для этого не имелось никаких оправданий.

С трудом проглотив комок в горле и вздернув подборок, она ответила герцогу прямым взглядом.

Снисходительность прямо-таки сочилась из него, когда он, вскинув темную бровь, пронзил

ее своими небесно-голубыми глазами, надменно, по-хозяйски оглядел с головы до ног, и у нее возникло ощущение, что ее раздели. Джессика отступила на шаг и, прищурившись, тоже окинула его взглядом с головы до ног.

Она слышала о легкомысленности и самонадеянности герцога, но пропускала такие слухи мимо ушей, считая их досужими вымыслами тех, кто завидует его титулу. В конце концов, ее дед и обожаемый зять Себастьян тоже были герцогами, но, помимо того, настоящими джентльменами с великолепными манерами.

Похоже, этот герцог не обладал подобными качествами.

Закончив свой демонстративный осмотр, Торн-бери поднес к губам бокал с шампанским, сделал глоток и без обиняков, бесцеремонно и громко произнес своим низким голосом:

— Еще одна дебютантка? Наверняка и ее подослала моя мамаша, ведь так, леди Шиллингем?

Если бы безукоризненные манеры Джессики не превратились в ее вторую натуру, у нее от таких слов отвисла бы челюсть. Еще никогда в жизни с ней не обходились с таким оскорбительным высокомерием и безразличием. Герцог или нет, она

не собиралась безропотно терпеть такие выходы. Джессика уже была готова развернуться и уйти, но тут его светлость соблаговолил заговорить снова, ошупывающим взглядом обежав ее:

— Признаю: вы исключительно милы, но поберегите свое время, милочка. Я с другого конца Лондона чую особ, которые мечтают стать герцогиней, хоть вы и соблазнительный кусочек, позволю себе так выразиться, притом с весьма аппетитными грудками.

Потом он осмелился на немислимую дерзость: провел кончиком пальца вдоль кромки ее декольте.

Компания стоявших рядом таких же самодовольных щеголей разразилась смехом, и Джессика вспыхнула: унижение ранило до глубины души. И тут она сделала то, чего никак от себя не ожидала: перехватив палец герцога, зажала в ладони и процедила сквозь стиснутые зубы:

— Еще раз дотронешься до меня, сломаю.

Его глаза вспыхнули, и легкое изумление отразилось во взгляде, прежде чем, прищурившись и уставившись на нее, он переспросил:

— Что вы сказали?

— Что слышал, — отрезала Джессика, треща от гнева.

Отдернув руку, он скривил губы в надменной улыбке и, не отрывая взгляда от Джессики, обратился к хозяйке дома:

— Леди Шиллингем, вам следовало бы научить вашу подопечную хорошим манерам.

Чистейший гнев белого каления охватил Джессику, затуманил сознание. Это он обвиняет ее в отсутствии манер? О, именно так! Гнев, отчасти направленный на саму себя из-за рухнувших вдруг планов, подвиг Джессику на то, чтобы стянуть с правой руки белую лайковую перчатку и ударить его по самодовольной физиономии, совершенно не думая в этот момент о возможных последствиях. Шлепок получился громким — казалось, его должны были услышать во всех концах балльного зала.

— Леди Шиллингем, — заявила юная леди громко, так громко, насколько это было возможно, — я бы никогда не попросила вас представить меня этому типу, если бы знала, насколько он заносчив, груб и лишен достоинства. Прошу прощения за то, что вы потратили на меня свое время.

На миг взгляды Джессики и герцога встретились, и она испытала короткое, но от этого не

менее сильное удовольствие от выражения изумления в его широко открытых глазах. Дождаться, что он скажет в ответ, она не стала: развернулась и, высоко подняв голову, направилась прочь от этого сноба, чтобы найти мать и брата с сестрой.

Ахи и шушуканье неслись ей вслед, пока она шла по бальному залу. Сердце ее было готово вырваться из груди, воздуха не хватало. Что она натворила? Ведь именно в этот момент все ее мечты превратились в руины, и у нее не было никаких сомнений, что за все придется заплатить.

Вот так самый чудесный момент в жизни Джессики, момент, который был полон надежд восемнадцатилетней девушки, обладавшей солнечным нравом, на который у нее были свои планы, о котором она мечтала, писала и который проигрывала в воображении сотни раз, превратился в самый ужасный в ее жизни за какие-то несколько минут.

Гнев вместе с разочарованием навалился на нее. Мужчина, на ожидание знакомства с которым она потратила целый сезон, оказался настоящим мерзавцем. Мужчина, которого, как ей мечталось, она полюбит и за которого выйдет замуж, оказался просто лошадиной задницей, лишенной всяких манер. Герцог Торнбери не имел ничего общего с вообра-

жаемым воздыхателем. Она не намерена выходить за эту надменную деревенщину, даже если он останется последним мужчиной в Лондоне.

Глава 2

На следующее утро Эйден Торнтон, герцог Торнбери, с жуткой головной болью стоял в роскошно обставленной гостиной городского дома своей матери. Ни свет ни заря его поднял на ноги камердинер и вручил записку от герцогини с требованием явиться к ней не позже восьми.

Сейчас было без пяти восемь. Единственное качество, которым герцог мог гордиться, это пунктуальность. Это был результат уроков его отца, который приучил сына к точности с помощью ремня. Уже этим утром, щурясь от солнечного света, лившегося через массивные окна возле его огромной кровати, Эйден изо всех сил пытался вспомнить, что могло случиться в минувший вечер такого, что потребовало его появления перед матерью. Явно что-то из ряда вон. В его двадцать восемь мать уже давно перестала читать ему нотации, если это не был какой-то очень серьезный проступок. Похоже, до матери дошли какие-то слухи, и в этом не было

ничего нового. Частенько она просто не знала, как реагировать на поведение Эйдена. Вот только вспомнить бы, что он выкинул на этот раз, чем разбудил в ней гнев.

Долго ждать не пришлось: герцогиня Торнбери, как обычно, дорого и безукоризненно одетая, стремительно вошла в комнату. Она всегда выглядела так, словно направлялась на бал или коронацию, даже если всего-навсего собиралась прочитать мораль своему сыну в собственной гостиной. Темные волосы с едва заметными серебристыми нитями были уложены высоко на затылке и закреплены бриллиантовой заколкой. Драгоценности сияли и на темно-красном шелковом платье с кружевными длинными рукавами и коротким треном. В свои сорок семь герцогиня по-прежнему производила потрясающее впечатление: красивая, умная и безукоризненно воспитанная. Как ей удалось столько лет прожить в браке с его отцом, настоящим моральным уродом, Эйден так никогда и не узнает. Любовь там явно была ни при чем — однажды мать намекнула ему на это.

Эйден кашлянул, прочистив горло. В такие моменты, как этот, требовалось начинать с комплимента.

— А, матушка, вот и ты. Выглядишь роскошно, как всегда, — он низко склонился перед ней, хотя голова отозвалась жуткой болью.

Герцогиня прищелкнула языком. Ее серо-зеленые глаза обежали сына с головы до ног.

— Боже милостивый, Эйден! Зато ты выглядишь так, словно тебя пожевали и выплюнули в игорном притоне.

— Полагаю, что ты совершенно права, — ответил он с кривой усмешкой, хотя, если честно, так и не мог вспомнить, где его носило прошлой ночью.

— Мне все известно об инциденте на балу у Шиллингемов, — заявила герцогиня. — Полагаю, это было до притона.

Ах да! Эйден щелкнул пальцами. Бал у Шиллингемов! Вот как раз туда он отправился прошлым вечером сразу после публичного дома, где весьма злоупотребил элем с приятелями. Вот только вспомнить бы, после какого... Их компания перемещалась из одного злочного места в другое в каком-то районе Лондона с сомнительной репутацией.

— Точно, я был на балу у Шиллингемов, как ты того потребовала.